

DOI 10.15826/qr.2018.2.308

УДК 94(100)"1914/1919"+94(47)"1917"+75.021.34–053.2/.6

**РИСУЯ ЭПОХУ: ДЕТИ, ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ
В ПРОПАГАНДЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ШКОЛЬНИКОВ
1914–1917 гг.***

Владислав Аксенов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

Юлия Жердева

Самарский государственный экономический университет,
Самарский областной художественный музей,
Самара, Россия

**DRAWING THE EPOCH: CHILDREN, WAR,
AND REVOLUTION IN PROPAGANDA AND THE ART
OF SCHOOL CHILDREN BETWEEN 1914 AND 1917**

Vladislav Aksenov

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Yulia Zherdeva

Samara State University of Economics,
Samara Regional Art Museum,
Samara, Russia

This article considers children's experiences of war and revolution and its reflection in their drawings. The authors construct two pictures of the war, one official, which used the images of children for purposes of propaganda, and the other unofficial, which reflected the war through children's imagination. The authors con-

* *Citation:* Aksenov, V., Zherdeva, Yu. (2018). Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308.

Цитирование: Aksenov V., Zherdeva Yu. Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308 / Аксенов В., Жердева Ю. Рисуя эпоху: дети, война и революция в пропаганде и творчестве школьников 1914–1917 гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 487–503. DOI 10.15826/qr.2018.2.308.

clude that the children's view of war is mostly mythopoetic, and that the drawing process was quite often a game for them. Although children's drawings do not allow us to conclude that negative changes took place in their authors' minds, they do contain images that later became symbols of the Revolution and the Civil War. Children's art from 1917 demonstrates that the year of revolution affected children more than World War I.

Keywords: World War I; Revolution of 1917; children's drawings; mass consciousness; propaganda; patriotism.

В статье рассматриваются детский опыт войны и революции и его отражение в детском рисунке. Сопоставляются две картины войны: официальная, использовавшая детские образы в пропагандистских целях, и неофициальная, представленная детскими фантазиями на военные темы. Авторы приходят к выводу о преобладании мифопоэтического восприятия войны детьми, отмечают, что сам процесс рисования часто носил игровую форму. Хотя детские рисунки не позволяют констатировать негативные изменения в детской психике, в них встречаются образы, ставшие символами последующей революции и Гражданской войны. Детское изобразительное творчество 1917 г. демонстрирует, что 1917 г. оставил более сильный след на детских впечатлениях, чем Первая мировая война.

Ключевые слова: Первая мировая война; революция 1917 г.; детский рисунок; массовое сознание; пропаганда; патриотизм.

Первая мировая война не только имела глобальные макроисторические последствия, но и существенно повлияла на сознание миллионов вовлеченных в нее людей. В исторической литературе, помимо исследования психологии взрослых – крестьян, солдат, рабочих, – в последнее время уделяется все больше внимания проблеме детского восприятия войны [Щербинин; Сальникова; Асташов; Аксенов, 2013; Пархоменко; Синова; Ватник].

Особенности восприятия Первой мировой войны детьми практически сразу попали в поле зрения ученых и педагогов того времени. В журнале «Вестник воспитания» регулярно публиковались исследования педагогов-психологов, а также письма родителей и учителей, делившихся наблюдениями относительно изменений в детской психологии. В 1915 г. журналист и литературный критик К. И. Чуковский, ставший позднее известным детским писателем, задавался вопросом: «Все многомиллионное детское царство в Европе и Азии захвачено ныне войной. Что станет с этим роковым поколением, возрастающим среди громов и пожаров?» [Чуковский]. Тогда же русский психолог и педагог М. М. Рубинштейн предупреждал: «Война по всему ее характеру способна заложить в душе детей такие семена, из которых в будущем могут вырасти сорные травы, способные заглушить все злаки, все, взлелеянное многовековыми усилиями миллионов людей» [Рубинштейн, с. 5].

В моделях детского поведения в годы Первой мировой войны условно можно выделить «героическое» и «трагическое» начало. Первое во многом было реакцией на военно-патриотическую пропаганду, второе – следствием менявшейся под гнетом военного времени привычной повседневности, разрушавшей семейное благополучие. Нередко в одной и той же форме активности ребенка проявлялись оба указанных начала. К примеру, уличные игры на военную тематику, в которых дети реконструировали события на фронте, известные им по рассказам взрослых, обретали не характерную для довоенного времени жестокость. Увлекавшиеся «юные бойцы» иногда довольно сильно колотили представителей «вражеской команды», из-за чего никто не хотел играть за «немцев» и «австрийцев». Детская агрессия нередко выливалась на уличных животных, которым поневоле доставалась роль врагов [Там же, с. 25]. Согласно проведенному киевским Фрëбелевским обществом анкетированию, 88 % мальчиков до 11 лет играли в войну. Среди девочек этот процент был ниже – 50 % (до 9 лет), причем многие девочки отказывались играть в войну по причине чрезмерной жестокости мальчиков. Девочки признавались, что мальчики «ужас, что делают в игре: царапаются, дерутся» [Зеньковский, с. 51–52].

Другим примером «героической» модели поведения является практика массового бегства детей на фронт, о чем регулярно сообщали газеты. По данным Фрëбелевского общества, 40,5 % мальчиков желали идти на войну [Там же, с. 62]. Но переоценивать их патриотизм не стоит: педагоги-современники отмечали, что мальчики часто бежали на войну «за медалями», в то время как «гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках медицинских сестер» [Левитский, с. 14; Соколов-Микитов, с. 129]. Довольно скоро детей постигало разочарование: прифронтовые будни оказывались куда менее интересными, чем рисовало юное воображение. Но даже и не помышлявшие о лаврах героев дети часто становились жертвами военного времени: ухудшившееся материальное положение родителей усугубляло внутрисемейные конфликты, вследствие которых учащиеся-подростки нередко применяли самый последний аргумент – суицид [Аксенов, 2013].

Официальная визуальная пропаганда активно использовала образ юного защитника Отечества. В популярных иллюстрированных журналах «Огонек», «Искра», «Нива» печатались фотографии маленьких бойцов, награжденных орденами и медалями. Часто им приписывались выдуманные или гиперболизированные подвиги: в одном случае юный разведчик с тремя товарищами в конной схватке «уложил» 12 немцев, в другом в одиночку вывел из строя артиллерийскую батарею противника. Однако за это юным героям жаловали отнюдь не выдуманные награды: нередким было награждение георгиевскими крестами 12-летних мальчиков. Образ ребенка на войне позволял пропаганде добиваться максимально сильного эмоционального воздействия на зрителя, вследствие чего в иллю-

стрированных изданиях появлялись фотографии не только храбрых юных героев, но и раненых детей [Жердева, с. 539].

Дети с особенным интересом изучали фотографии своих сверстников на фронте, в результате чего формировалась своеобразная детская романтизированная, далекая от действительности картина войны [Сальникова, с. 423]. Часто в ней именно детям отводилась центральная роль. Как и взрослые, дети задумывались о причинах войны и, как и взрослые, ответы находили в стереотипных поведенческих практиках, известных по личному опыту. М. М. Рубинштейн приводил диалог лежащих в кроватках двух мальчиков, шестилетнего Вити и семилетнего Володи:

Витя: «А зачем он (Вильгельм) начал воевать?» Володя: «Да он и не хотел. Знаешь, он ушел в город за покупками, а сыновья его остались одни; вот они взяли и объявили войну». После некоторого молчания и, по-видимому, раздумья над данным ему объяснением Витя произнес: «Ну, а что же смотрела их мама?» [Рубинштейн, с. 20].

Пятилетняя девочка в Киеве на вопрос, кто начал войну, ответила, что солдаты, а потом добавила, что еще Шура и Сережа [Зеньковский, с. 55]. «Детский след» войны усматривался молодежью в известиях о том, что убийцей австро-венгерского эрцгерцога был сербский гимназист. В этом случае говорилось о компании русских гимназистов, убивших наследника, вероятно, по хулиганским причинам: «Два русских гимназиста ехали в поезде и убили австрийского наследника, оттого и пошла война» [Там же, с. 56].

Укоренению этой наивной картины войны способствовали патриотические рисунки художников В. А. Табурина и Н. А. Богатова, эксплуатировавших детскую тематику. Их акварели публиковались в виде патриотических открыток, чьими персонажами неизменно являлись дети, через призму отношений между которыми авторы пересмысливали войну. В работах Богатова угадываются мотивы детских забав на военную тему. Так, проигранную врагом битву художник представлял как ссору во время игры двух карапузов: у ног плачущего ребенка в немецкой каске валяется поломанная игрушечная пушка, а его товарищ в лаптях и косоворотке стоит довольный с засученными рукавами (ил. 1 на цв. вклейке). Подпись к изображению соотносит сюжет детской ссоры с военным конфликтом: «Плачет горько мальчик Вилли – его здорово побили». На другой открытке показан момент боя с сидящим в «окопе» юным бойцом: «окоп» сконструирован из перевернутых стола, стула и подушек, покрытых скатертью. Еще одна композиция использует мотив детских игр: на руках мальчика в военной амуниции висит испуганный щенок. Подпись не внушает оптимизма относительно его дальнейшей судьбы: «Достал языка» (ил. 2 на цв. вклейке). Присутствует и лирический мотив – на одном рисунке мальчонка, сидя на полу под горшком с цветком, пишет «пись-

мо на родину», на другом задумавшаяся девочка сидит за столом у окна, а на стену позади нее проецируется изображение героя на коне.

Военно-патриотическая пропаганда предполагала известную динамику гендерных отношений: привлекательным для женского пола должен был стать образ воина, в то время как уклонившийся от призыва или, тем более, дезертир терял свои мужские качества. Соответственно этой позиции Богатов пишет акварель, на которой девочка локтем грубо отмахивается от ухажера со словами: «Уходи-ка, паренек, ты любви не достоин – у меня есть мил-дружок – богатырь и храбрый воин». На открытке В. А. Табурина «Уж лучше не свыкаться, коль нужно расставаться» изображался драматический момент прощания девочки-медсестры и раненого ребенка-солдата (ил. 3 на цв. вклейке).

Таким образом, визуальная пропаганда создавала мифологизированный образ «детской войны», для которого были характерны преувеличение детского участия, игровой характер событий, наивная героика, национально-патриотический пафос.

Параллельно взрослым рисункам «детской войны» писалось полотно войны и самими детьми. Семья, улица, школа – все было наполнено духом военного времени. Школа привлекала учащихся к благотворительной деятельности, организовывала переписку детей с солдатами, поднимала военную тематику на уроках истории, литературы, рисования. Учителя рисования отмечали, что война настолько поглотила учащихся, что они обращались к ней даже тогда, когда рисунки давались на вольные темы, или переводили мирные темы на военный лад. Так, учащиеся киевского Фрѐбелевского общества на тему Рождества самостоятельно сюжетом своих рисунков выбрали «Елку в лазарете» или «Встречу Рождества на позициях». Согласно анкетированию, 76 % детей черпали знания о войне именно из изобразительных источников, причем после десятилетнего возраста интерес к визуальной информации только усиливался, поэтому неудивительно желание юных художников выразить свое восприятие войны посредством рисунка [Зеньковский, с. 50].

Современники обратили внимание на исключительную ценность детского рисунка как документа эпохи. Педагог и искусствовед В. С. Воронов в 1914 г. начал коллекционировать рисунки школьников о войне и через год провел первую выставку, собравшую положительные отзывы в прессе [Лукьянов, с. 308–309]¹. Зрители отмечали, что детский рисунок является самостоятельным культурным феноменом со своими характерными признаками. Изучая семантику дет-

¹ Авторы выражают признательность сотрудникам Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея – заведующей отделом Наталье Николаевне Скорняковой и старшему научному сотруднику, хранителю коллекции русской графики XVIII – начала XX в. Евгению Александровичу Лукьянову – за возможность работы с коллекцией В. С. Воронова, благодарят за ценные уточнения и предоставленные для публикации иллюстрации.

ского рисунка, исследователи пишут о его символизме как следствии мифопоэтического мышления ребенка, а также о психосоматической природе самого процесса рисования [Некрасова-Каратеева, с. 210]. Детский рисунок становится высказыванием, в котором преобладают черты бессознательного, позволяющие исследовать психологию автора. И хотя ряд детских рисунков создавался под впечатлением уже увиденных картинок, повторяя их сюжетный и композиционный уровни, внимание к деталям помогает обнаружить оригинальный пласт творчества.

Источниками изобразительных мотивов детского рисунка служили сказки, современная визуальная среда (лубок, открытка, фотография, кинематограф, журнальные иллюстрации) и повседневный опыт. Дети переосмысливали образы «взрослого мира», создавая собственную воображаемую реальность войны. Значительная часть детских рисунков была вполне оригинальной и по содержанию, и по композиции. В. С. Воронов считал возможным говорить даже о своеобразной объективности детского рисунка: «Карандаш ребенка по-своему объективен. Он далек от мысли растрогать вас, хотя и достигает этого постоянно; если ребенок-художник предпочитает одну черту другой, то делает он это безо всякой авторской предвзятости, руководствуясь лишь своим впечатлением и интересом в данную минуту» [Воронов, 1915, с. 45]. В детских рисунках на военную тему соединяются несколько сторон психологического содержания: образная, повествовательная, декоративная и конструктивная. При этом эмоционально-образное начало, отражающее психологические переживания или настроение ребенка, явно уступает повествовательному и конструктивному содержанию. На военных детских рисунках изображены в первую очередь повествовательные сюжеты. Они не дают возможности проследить хронологию изменения сюжетов, поскольку рисунки не имеют точной датировки и не всегда могут быть соотнесены с военными действиями, однако позволяют выделить несколько преобладающих мотивов.

Детские рисунки посвящались как фронту, так и тылу. Батальные сцены преобладали над всеми остальными, и дети чаще всего изображали войну на суше (сцены полевых сражений, осады крепостей, поле боя после сражения, сторожевой или пограничный пост), реже – морской или воздушный бой. Фронт в детских рисунках дополнялся картинками отдыха русских солдат на привале, у полевой кухни или у костра, за чтением писем, игрой на гармонии или партией в шашки. Такие сцены динамичны и полны деталей, изображение которых вовсе не обязательно имеет фигуративную форму, они могут оставлять лишь видимые следы изобразительной деятельности (точки, штрихи, пятна), которые воспринимались автором как знаки или подобию реальных форм. Некоторые авторы особенно тщательно продумывали план сражения и расстановку сил и во-

оружения на поле боя. Чем старше становились дети, тем больше подробностей они замечали и могли хорошо нарисовать [Война в рисунках детей, с. 98–110].

В отдельную группу фронтовых рисунков можно выделить изображения военных – это целая галерея портретов русских генералов, офицеров, казаков и солдат, немецких офицеров, французских артиллеристов и матросов, турецких и австрийских солдат (ил. 5 на цв. вклейке). Для большинства подобных рисунков характерно особое внимание к деталям амуниции, подробностям военной экипировки, знакам отличия и особенностям военной формы разных стран. Применяют к этой группе изображения отдельно стоящих орудий и военной техники, для которых также характерна скрупулезная прорисовка элементов. Эти изображения были во многом фантазийными, но явно создавались под большим визуальным впечатлением, которое производили на детей новые орудия (бронированные автомобили, цеппелины, пулеметы, аэропланы) и рассказы о них.

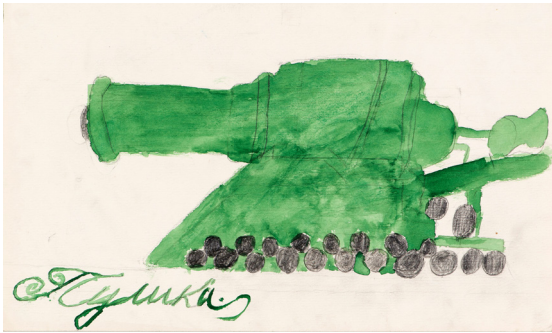
Значительную часть детских рисунков составляют сцены тыловой жизни. Основными героями их были раненые и военнопленные. Это всегда жанровые сценки, в большинстве своем весьма реалистичные и воспроизводящие городское пространство – лазарет в мужском городском училище, санитарный трамвайный вагон для раненых (ил. 7 на цв. вклейке).

Нередко общий контур повествования в детском рисунке задавала сказка, привнося в него этические категории, понятные ребенку (добро побеждает зло, справедливость торжествует над несправедливостью, милосердие выше войны), и создавая героев, заменяющих царевичей богатырями-казаками, а царевен – сестрами милосердия. Даже батальные сцены приобретали сказочные мотивы. Например, мрачная картина поля боя, наполненного окровавленными трупами немецких солдат, разбросанными повсюду ружьями, саблями и портупьями, дополняется лиричной сценой перевязки раненого русского солдата сестрой милосердия (ил. 6 на цв. вклейке). Фигуры эти помещены в самом центре композиции, а за ними находится пасторальное изображение лесной опушки, на которой автор весьма достоверно обозначил деревья и даже грибы под ними. Такое внимание к деталям и лиризм композиции вполне типичны для детских сюжетов со сказочными героями.

Современники были обеспокоены изображенными на детских рисунках сценами насилия, видя в них проявление негативных психологических процессов. Однако В. С. Воронов справедливо отмечал, что для большинства детей война представлялась грандиозной шумной игрой, и указывал на условно-игровой характер подобных сюжетов: «Если же, увлеченный блестящими красками боя и движения, юный школьник и рисует отрубленную голову, то делает он это без всякого содрогания и ужаса, совершенно так же, как бы он рисовал разломанную игрушку» [Воронов, 1915, с. 53].

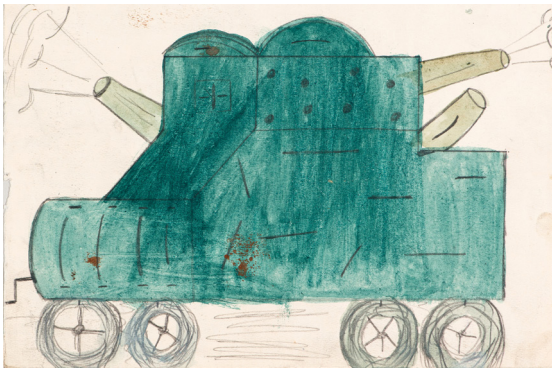
Характерным примером «сказочной» интерпретации военных сюжетов является портрет популярного героя войны казака Кузьмы Крючкова. На рисунке он стоит под огромным деревом, усыпанным плодами, напоминающими «молодильные яблоки», к стволу дерева приставлена лестница, а над ним сияет солнце, гигантские лучи которого опускаются прямо к земле (ил. 8 на цв. вклейке). Только подпись автора рисунка («Крючков козак») не дает отнести изображение к персонажу сказки. Другой рисунок изображает былинного богатыря в древнерусском шлеме, со щитом и пикой.

Более прямолинейным было влияние на детский рисунок массовой печатной продукции, в основном открыток, лубка и фотографий

«Пушка». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 18,8 × 31,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/367 (Коллекция В. С. Воронова)

“Cannon”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 18.8 × 31.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/367 (V. S. Voronov’s collection)

«Бронированный автомобиль». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 17,7 × 26,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/9 (Коллекция В. С. Воронова)

“Armoured vehicle”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 17.7 × 26.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/9 (V. S. Voronov’s collection)

из иллюстрированных журналов. Так, в детских рисунках появилась «австрийская пушка», источником образа которой была растиражированная прессой фотография с изображением захваченного у австрийцев орудия. Детское воображение внесло, правда, некоторые коррективы, наделив орудие архетипическими чертами царь-пушки и разбросав вокруг нее ядра.

Интерес мальчиков к технической стороне войны понятен, при этом в рисунках иногда возникали удивительно точные образы войны, вошедшие впоследствии во «взрослое» символическое пространство. Так, на одном рисунке весь лист занимает оцетинившийся в разные стороны пушками броневик. В 1917 г. образ черного автомобиля-броневика (на детском дореволюционном рисунке он

«позитивного» зеленого цвета) стал визуализацией эсхатологических ожиданий городских обывателей [Аксенов, 2017].

Впечатлявшие детей детали военной жизни изображались порой как элементы орнамента, а не как реальные предметы. Такова, например, пирамида из ружей, которая детьми часто изображалась на рисунках солдатского отдыха (ил. 9 на цв. вклейке). Для детей этот объект, видимо, стал неперенным атрибутом отдыха солдат, иногда чисто визуальным, а не реальным объектом (своего рода маркером действия). На одном рисунке эта ружейная конструкция висит на стене дома, в котором отдыхают солдаты (ил. 10 на цв. вклейке).

Повседневный опыт детей заметно повлиял на изображение ими сцен тыловой жизни, часто самых реалистичных и достоверных. Даже солдатский отдых передавался как детская игра. Солдаты изображались катающимися с горки, играющими в снежки зимой. На рисунках они выглядели вполне взрослому: непременно усатые (обычно с большими черными усами), в шинелях, перевязанных портупьями, в меховых шапках и валенках. При этом движения и позы были переданы типично детскими: одни солдаты неуклюже скатываются с горки на спине, животе или прямо на ногах, другие – почти по-детски, без замаха, кидаются снежками.

«Солдаты, катающиеся с горки и играющие в снежки». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,0 × 33,0 см // ГИМ. Инв. № II 5071/220 (Коллекция В. С. Воронова)

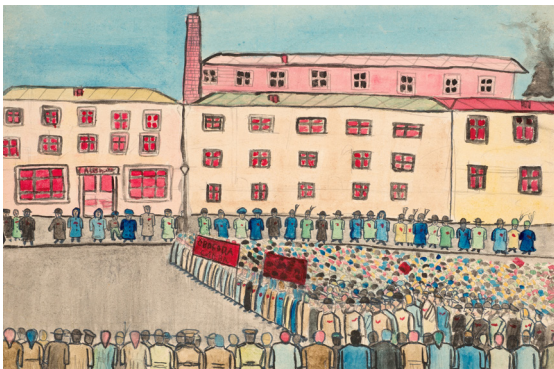
“Soldiers sliding from an ice-hill and playing snowballs”. Child’s drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.0 × 33.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/220 (V. S. Voronov’s collection)

В отличие от военных действий, непосредственными свидетелями которых дети не являлись, революция 1917 г. иначе отразилась в детском творчестве. Известно, что несовершеннолетних детей всех возрастов было довольно много на улицах Петрограда в февральские дни: 27 февраля были отменены уроки в школах, многие школьники, гимназисты сразу не вернулись домой, а отправились гулять вместе с толпами манифестантов. Мальчишек особенно привлекала возможность найти оружие, которое было расхищено из Арсенала, брошено полицейскими, спешно переодевавшимися в гражданскую форму. Свидетели вспоминали, что по вечерам, когда на улицах жгли костры, вокруг них стояли и несовершеннолетние дети с оттопыренными карманами, из которых они доставали патроны и подбрасывали в огонь [Jones, p. 134].

Дети пытались внести посильный вклад в революцию. В Петроградской городской думе отряды 10–15-летних бойскаутов выполня-

ли роль посыльных, занимались канцелярскими делами, а некоторые даже стояли на постах с оружием в руках [Кельсон, с. 163]. Большую роль играло, как всегда, любопытство, перевешивавшее страх перед уличной стрельбой. Позже маленький мальчик признался: «Как только началась революция, я не мог сидеть дома. И меня тянуло на улицу» [Воронов, 1927, с. 7]. Появились и новые игры, навеянные революционными событиями: копируя поведение взрослых, дети начали играть в «революцию и городских», «сделали себе разные флаки и знамены ходили с ними и преследовали полицию» (здесь и далее сохранены стиль и орфография оригинала. – В. А., Ю. Ж.) [Там же]. Естественно, что эти события отражались как в рисунках, так и в школьных сочинениях, написанных по горячим следам. Учащиеся 8–10 лет вспоминали в апреле 1917 г.: «Вдруг все взяли и свергнули императора и министров и сделали свободу. Было очень весело всем»; или: «На улице народ улыбался и один из народа плакал от радости. Никто не ругался»; «очень было радостно и хорошо всем людям» [Там же, с. 5, 11].

В детских рисунках за 1917 г. февраль и март написаны ярко, красный цвет в них доминирует. Весьма показательна работа «Демонстра-

«Демонстрация возле фабрики с лозунгом “Свобода слова!”». Детский рисунок. Неизвестный автор. Февраль–март 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,3 × 36,8 см // ГИМ. Инв. № И П 5073/203 (Коллекция В. С. Воронова)

“Demonstration near a factory with the slogan “Freedom of Speech!””. Child’s drawing. Unknown author. February – March, 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 24.3 × 36.8 cm // GIM. Inv. No. I П 5073/203 (V. S. Voronov’s collection)

ция возле фабрики», на которой неизвестный ученик использовал очень тонкий метафорический прием: символом Февральской революции стало красное солнце свободы, однако вместо того, чтобы рисовать солнце, юный художник изобразил его отсветы в прямоугольных окнах, которые рифмовались с красными прямоугольными плакатами манифестантов. Символично выглядит голубое небо над красной фабрикой.

Источниками детского творчества были революционные плакаты, иллюстрированные карикатурные журналы, некоторые сюжеты и композиционные построения которых обнаруживаются в их творчестве. На одном из рисунков Россия в образе царевны не пускает в дом с надписью «Свобода» большевика и анархиста. Все персонажи изображены в ключе, характерном для художников «Нового Сатирикона», «Стрекозы», «Будильника» и других журналов: Россия – в национальном костюме, кокошнике, полы платья подписаны словом

«Россия», анархист – в широкополой шляпе и плаще-накидке, большевик – в кепке и короткой куртке-тужурке (ил. 11 на цв. вклейке).

Однако нередко дети находили свои собственные оригинальные трактовки образов: на одном из рисунков буржуй изображен франтом в малиновом сюртуке с розочкой, в пенсне, с тростью и коробкой конфет. Н. Н. Гончарова несколько наивно полагала, что «основная мысль, воплотившаяся в образе буржуя с коробкой конфет, – полная никчемность его. Это бездельник, франт и кутила» [Москва. 1917 год, с. 25]. Такой подход не учитывает психологию ребенка, тоскующего по сладостям. В условиях сахарного кризиса, когда в Петрограде и Москве было запрещено производство конфет, пирожных и прочих «вкусностей», человек с коробкой конфет мог нести для юного автора положительную коннотацию. Большевик же предстал в образе боевого офицера, выступающего против войны, а Маша-«большевичка» оказывалась румяной девицей с золотым ожерельем с драгоценными камнями и сережками. Гончарова полагает, что юного художника на последний образ натолкнули глиняные игрушки-свистульки (ил. 12 на цв. вклейке).

Революция 1917 г. изменяла привычную повседневность детей средних городских слоев. В условиях ухудшавшегося снабжения городов продовольственными товарами многим из них приходилось ходить в магазины, простаивая в очередях по пять-шесть часов:

Когда я стоял в очереди, дрожа, с карточкой в руках, и мне не доставалось хлеба, я стал вставать в 4 часа, а впоследствии с самого утра и то приходилось вставать двухсотым [Дети русской эмиграции, с. 111].

Ученица 6-го класса английской школы для русских девочек Тамара Васильева вспоминала в 1923 г.:

В год революции я жила в Петрограде и училась в гимназии. Постепенно жизнь стала ухудшаться, приходилось самим работать дома, стирать и готовить обеды. Мне было тогда 11 лет. И вот все заботы по дому легли на меня [Там же, с. 66].

В условиях продовольственного кризиса появлялись даже исключительно «детские» очереди – за молоком, за яйцами и некоторыми другими продуктами [РГА КФД. Ед.хр. 2-3167, 2-3168, 2-20720]. Хотя детей можно было увидеть и в лавках за табаком и прочим «взрослым» товаром. Неудивительно, что очереди стали сюжетом рисунков школьников (ил. 13 на цв. вклейке).

Осенью-зимой 1917 г. детские акварели как бы «выцветают». Пропадают яркие чистые краски, реже встречаются небо, солнце. Палитра, вероятно, передает внутреннее эмоциональное состояние художника, с которым созвучна и сюжетная сторона рисунков: дети рисуют убитых защитников Временного правительства, похороны юнкеров и проч. Примечательно, что в детских воспоминаниях об октябрьских событи-

ях присутствуют те же сюжеты, что и относительно февраля, – прекращение школьных занятий, возможность собирать патроны, оружие, однако им сопутствует совсем иная, не праздничная коннотация:

В октябре началось большевистское выступление, и занятия прекратились. Это был какой-то ад. Но этот ад был мне интересен, я впервые услышал стрельбу из орудий, собирал пули, осколки от снарядов [Дети русской эмиграции, с. 185].

Рисуя смерть на войне, дети часто создавали абстрактные пейзажи, условно обозначая лес, поле, речку или дом, а смерть на рисунках 1917 г., как правило, вписана в контекст конкретного места. Маленькие художники фиксируют названия магазинов и лавок, улиц и площадей, демонстрируя, что смерть для них из абстракции превратилась в реальность, стала частью повседневности. Очень интересен эффект, которого неосознанно добился ребенок: нарисованные в последнюю очередь живые постовые оказались полупрозрачными призраками, сквозь которые виднеются трамвайные пути, в отличие от «реальных» мертвецов, лежащих на тротуаре (ил. 14 на цв. вклейке).

Революция 1917 г. стала более личным, «персональным» событием в детском опыте, чем Первая мировая война, что отразилось в характерных особенностях детского рисунка. Вероятным объяснением является то, что революция нанесла большую, чем война, психологическую травму, и это подтверждается психологическими экспериментами. В 1924 г. в г. Орле было проведено исследование над почти 150 учащимися из разных социальных групп 10–16 лет, то есть теми, кому в 1917 г. было по 3–9 лет. Во время эксперимента давалось слово-раздражитель, к которому предлагалось подобрать синонимы. К слову «революция» наибольшим количеством детей были даны синонимы «война», «бой», а далее, по мере убывания, «стреляют», «стрельба», «солдаты идут», «забастовка», «тревога», «кричит», «ружье», «народ», «бунт», «худо» и т. д. [Осипова, с. 46]. На каждый из данных синонимов-ассоциаций приходилось по несколько авторов, в то же время были даны и иные варианты, не включенные в группы: «люди бегут», «бьют людей», «убивают», «неприятно», «погибают», «мальчика убили во время революции», «убью тебя», «беспорядок», «голод», «получили свободу» и пр.

В пропаганде 1917 г. продолжали эксплуатироваться детские образы: в сатирических журналах милиционеров часто рисовали в виде испуганных карапузов, а В. А. Табурин выпустил серию юмористических открыток «Дети-политики», изображавшую в шаржированных детских образах представителей разных политических партий (ил. 4 на цв. вклейке). Заимствовались и технические особенности детского письма: художники обращались к «наивным» композициям, рисовали пунктиром трассирующие следы пули, изображая уличные перестрелки. Детская картина эпохи войны и революции и детские мо-

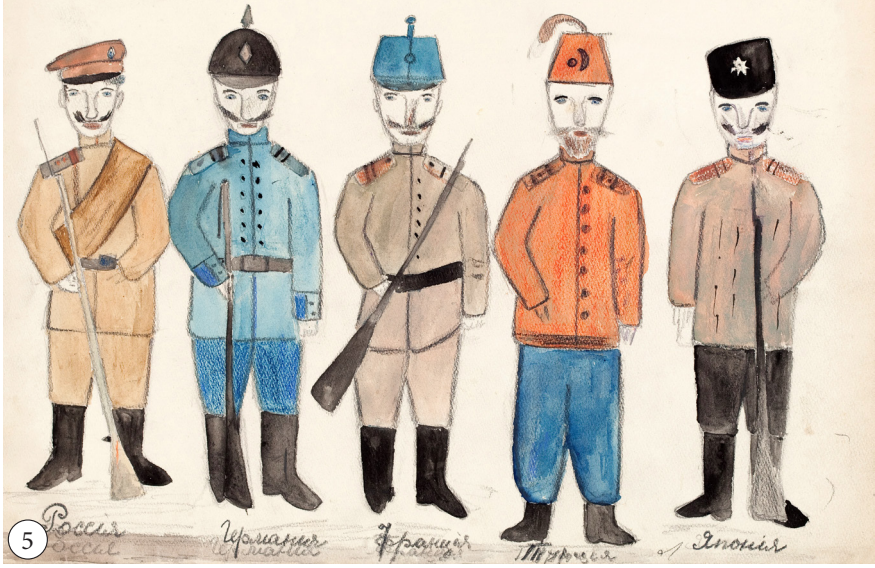
Иллюстрации к статье:

Владислав Аксенов, Юлия Жердева. Рисунки эпохи: дети, война и революция
в пропаганде и творчестве школьников 1914–1917 гг.

Illustration for the article:

Vladislav Aksenov, Yulia Zherdeva. Drawing the Epoch: Children, War, and Revolution
in Propaganda and the Art of School Children between 1914 and 1917

тивы творчества профессиональных авторов коррелировались друг с другом на эмоциональном и техническом уровнях.

Таким образом, мы видим, что детская картина эпохи развивалась параллельно детской тематике, используемой пропагандой. Н. А. Богатов, В. А. Табурин изображали боевые действия как детскую забаву, в то время как детские рисунки порой оказывались более реалистичными в плане отображения трагедии войны. В сохранившейся коллекции рисунков школьников нет однозначных свидетельств полученных детьми психологических травм, однако в ней встречаются образы, ставшие знаковыми в последующий период революции и Гражданской войны, который в более личной форме отразился в детском изобразительном творчестве.

Список иллюстраций к цветной вклейке

List of illustrations, colour inset

1. Н. А. Богатов. «Плачет горько мальчик Вилли – его здорово побили». Открытка. М., 1914–1917.

N. A. Bogatov. *Bitterly cries Willie boy, he has been beaten hard*. Postcard. Publishing house "Galereya", Moscow. 1914–1917.

2. Н. А. Богатов. «Достал языка». Открытка. М., 1914–1917.

N. A. Bogatov. *I have got a spy*. Publishing house "Galereya", Moscow. 1914–1917.

3. В. А. Табурин. «Уж лучше не свykаться, коли нужно расставаться». Открытка. М., 1914–1916.

V. A. Taburin. *It is better not to get attached to each other if we will have to part*. Postcard. Moscow. 1914–1916.

4. В. А. Табурин. «Большевик и меньшевик». Открытка. Серия «Дети-политики». М., 1917.

V. A. Taburin. *Bolshevik and Menshevik*. Postcard. Children Politicians series. Moscow. 1917.

5. Типы солдат воюющих держав (России, Германии, Франции, Турции, Японии). Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель. 25,7 × 34,7 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/742 (Коллекция В. С. Воронова).

Types of soldiers of warring powers (Russia, Germany, France, Turkey, Japan). Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, crayons, watercolours. 25.7 × 34.7 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/742 (V. S. Voronov's collection).

6. «После боя». Детский рисунок. Автор – Хорев. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 21,5 × 33,0 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/132 (Коллекция В. С. Воронова).

After the battle. Child's drawing. By Khorev. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 21.5 × 33.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/132 (V. S. Voronov's collection).

7. «Перенесение раненого солдата из санитарного вагона трамвая в лазарет». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 30,0 × 24,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/492 (Коллекция В. С. Воронова).

Transportation of a wounded soldier from the sanitary car of a tram to the infirmary. Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 30.0 × 24.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/492 (V. S. Voronov's collection).

8. «Крючков козак». Детский рисунок. Автор – Козлов. 1914 г. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши // ГИМ. Инв. № И II 5071/264 (Коллекция В. С. Воронова).

Cossack Kryuchkov. Child's drawing. By Kozlov. 1914. Paper, graphite pencil, crayons // GIM. Inv. No. I II 5071/264 (V. S. Voronov's collection)

9. «Палаточный лагерь русских войск». Детский рисунок. Автор Ю. Герасименко. 1914–1915 гг. Бумага, графитный карандаш, цветные карандаши, акварель. 23,5 × 32,3 см // ГИМ. Инв. № И II 5071/10 (Коллекция В. С. Воронова).

Camp of the Russian troops. Child's drawing. By Yu. Gerasimenko. 1914–1915. Paper, graphite pencil, crayons, watercolours. 23.5 × 32.3 cm // GIM. Inv. No. I II 5071/10 (V. S. Voronov's collection)

10. «Солдаты отдыхают». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1914–1916 гг. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,0 × 34,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5072/781 (Коллекция В. С. Воронова)

Soldiers at rest. Child's drawing. Unknown author. 1914–1916. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.0 × 34.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5072/781 (V. S. Voronov's collection).

11. «Свободная Россия и большевики». Детский рисунок. Автор А. Константинов. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,0 × 24,0 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/176 (Коллекция В. С. Воронова).

Free Russia and Bolsheviks. Child's drawing. By A. Konstantinov. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 34.0 × 24.0 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/176 (V. S. Voronov's collection)

12. «Маша-большевичка». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 34,0 × 26,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/341 (Коллекция В. С. Воронова)

Masha-Bolshivichka. Child's drawing. Unknown author. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 34,0 × 26,5 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/341 (V. S. Voronov's collection).

13. «Очередь в булочную С. Титова». Детский рисунок. Неизвестный автор. 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 24,7 × 33,5 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/141 (Коллекция В. С. Воронова)

A queue to S. Titov's bakery. Child's drawing. Unknown author. 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 24.7 × 33.5 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/141 (V. S. Voronov's collection).

14. «Телефонная станция и убитые». Детский рисунок. Автор П. Григорьев. Декабрь 1917 г. Бумага, графитный карандаш, акварель. 25,7 × 34,8 см // ГИМ. Инв. № И II 5073/400 (Коллекция В. С. Воронова).

The exchange and the killed. Child's drawing. By P. Grigoriev. Dec., 1917. Paper, graphite pencil, watercolours. 25.7 × 34.8 cm // GIM. Inv. No. I II 5073/400 (V. S. Voronov's collection).

Список литературы

Аксенов В. Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.

Аксенов В. Б. От игры к самоубийству: социальная активность молодежи в период Первой мировой войны // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2013. Вып. 2. С. 51–65.

Астаиов А. Б. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны // Какорея : Из истории детства в России и других странах : сб. ст. и материалов / сост. Г. В. Макаревич. Вып. 1. М. ; Тверь : Науч. книга, 2008. С. 101–113.

Ватник Н. С. «Германская война» и повседневная жизнь учащихся средних школ России в 1914–1917 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2014. С. 260–265.

Война в рисунках детей // Дети и война. Киев : Киев : Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 97–110.

Воронов В. Война в рисунках детей // Вестн. воспитания. 1915. № 2. С. 33–79.

Воронов В. Февральская революция в детских записях // Вестн. просвещения. 1927. № 3. С. 3–11.

Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л. И. Петрушева ; под ред. С. Г. Блинова, М. Д. Филина. М. : Терра, 1997. 496 с.

Жердева Ю. А. Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А. Н. Кривцова и ее роль в формировании визуальной культуры войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2014. С. 534–541.

Зеньковский В. В. О влиянии войны на детскую психику // Дети и война. Киев : Киев. Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 38–66.

Кельсон З. С. Милиция февральской революции : Воспоминания // Былое. 1925. № 1 (29). С. 161–179.

Левитский В. М. Беспорядочные дети и война // Дети и война. Киев : Киев. Фрëбелевское общ-во, 1915. С. 6–20.

Лукьянов Е. А. Великая война глазами детей : Коллекция детских рисунков времен Первой мировой войны из собрания ГИМ // Первая мировая война : Исследования. Документы / ред.-сост. И. Л. Журавская. М. : Гос. ист. музей, 2014. С. 308–317.

Москва. 1917 год. Рисунки детей – очевидцев событий : Из коллекции Государственного исторического музея / сост. и авт. текста Н. Н. Гончарова. М. : Сов. Россия, 1987. 251 с.

Некрасова-Каратеева О. Л. Детский рисунок: комплексное искусствоведческое исследование : дис. ... докт. искусствоведения. СПб. : [Б. и.], 2005. 429 с.

Осипова В. Н. Речевые рефлексы у детей // Пед. журн. 1924. № 3–6. С. 46.

Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию» : Юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 142–145. РГАКФД. Ед. хр. 2-3167, 2-3168, 2-20720.

Рубинштейн М. М. Война и дети // Вестн. воспитания. 1915. № 2. С. 1–32.

Сальникова А. А. Конец сказки : Первая мировая и Гражданская войны в восприятии детей-современников // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой, Ю. Ю. Хмелевской. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 418–437.

Синова И. «Мальчики под военной грозой притихли...»: патриотизм и девиация детей в годы Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 121–123.

Соколов-Микитов И. С. Гимназистки // Соколов-Микитов И. С. На теплой земле. М. : Госполитиздат, 1954. 852 с.

Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 949–952.

Щербинин П. П. Модели поведения детей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: опыт и структура адаптации, социокультурные деформации // Гуманитарные науки: проблемы и решения : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. СПб. : Нестор ; Тамбов : ТГУ, 2006. С. 58–67.

Jones S. *Russia in the Revolution : Being the Experiences of an Englishman in Petrograd During the Upheaval*. L. : Herbert Jenkins Lim., 1917. 340 p.

References

Aksenov, V. B. (2013). Ot igry k samoubiistvu: sotsial'naya aktivnost' molodezhi v period Pervoi mirovoi voyny [From a Game to Suicide: The Social Activity of Youth during World War I]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Istoriya. Iss. 2, pp. 51–65.

Aksenov, V. B. (2017). "Chernoe avto" kak simvol revolyutsionnogo nasiliya v 1917 g.: fobiya, mifologema, emotsional'nyi stimul [The "Black Auto" as a Symbol of Revolutionary Violence in 1917: Phobia, Mytheme, and Emotional Stimulus]. In *Antropologicheskii Forum*. No. 32, pp. 112–141.

Astashov, A. B. (2008). Deti idut na voynu: iz istorii "detskogo voprosa" v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Children Go to War: From the History of "the Children's Question" in Russia in the Years of World War I]. In Makarevich, G. V. (Ed.). *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh*. Sbornik statei i materialov. Iss. 1. Moscow, Tver', Nauchnaya kniga, pp. 101–113.

Chukovskii, K. (1915). Deti i voina [Children and War]. In *Niva*. No. 51, pp. 949–952.

Goncharova, N. N. (Comp). (1987). *Moskva. 1917 god. Risunki detei-ocheviditsev sobytii. Iz kolleksii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Moscow. 1917. Drawings of Children Eyewitnesses of the Events. From the Collection of the State Historical Museum]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 251 p.

Jones, S. (1917). *Russia in the Revolution. Being the Experiences of an Englishman in Petrograd during the Upheaval*. L., Herbert Jenkins Lim. 340 p.

Kel'son, Z. S. (1925). Militiya fevral'skoi revolyutsii. Vospominaniya [The Militia of the February Revolution. Memoirs]. In *Byloe*. No. 1 (29), pp. 161–179.

Levitskii, V. M. (1915). Besprizornye deti i voina [Homeless Children and War]. In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 6–20.

Luk'yanov, E. A. (2014). Velikaya voina glazami detei. Kolleksiya detskikh risunkov vremeni Pervoi mirovoi voyny iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [The Great War through Children's Eyes. A Collection of Children's Drawings of the Times of World War I from the State Historical Museum]. In Zhuravskaya, I. L. (Ed.-comp.). *Pervaya mirovaya voina. Issledovaniya. Dokumenty*. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, pp. 308–317.

Nekrasova-Karateeva, O. L. (2005). *Detskii risunok: kompleksnoe iskusstvo-vedcheskoe issledovanie* [Children's Drawings: Complex Art Criticism]. Dis. ... doktora iskusstvovedeniya. St Petersburg, S. n. 429 p.

Osipova, V. N. (1924). Rechevye refleksy u detei [Speech Reflexes in Children]. In *Pedagogicheskii zhurnal*. No. 3–6, p. 46.

Parkhomenko, V. (2013). "Proshchaite, dorigie roditeli, ya edu oboronyat' Rossiyu". Yunye dobrovol'tsy na frontakh Pervoi mirovoi ["Farewell, Dear Parents, I am Going to Defend Russia". Young Volunteers in the Fronts of World War I]. In *Rodina*. No. 8, pp. 142–145.

Petrusheva, L. I., Blinov, S. G., Filin, M. D. (Eds.). (1997). *Deti russkoi emigratsii: kniga, kotoruyu mechtali i ne smogli izdat' izgnanniki* [The Children of Russian Emigration: The Book Exiles Dreamt of Publishing but Could Not]. Moscow, Terra. 496 p.

RGAKFD [The Russian State Film and Photo Archive]. Storage Units 2-3167, 2-3168, 2-20720.

Rubinstein, M. M. (1915). Voina i deti [War and Children]. In *Vestnik vospitaniya*. No. 2, pp. 1–32.

Sal'nikova, A. A. (2007). Konets skazki. Pervaya mirovaya i Grazhdanskaya voyny v vospriyatii detei-sovremennikov [The End of the Fairy Tale. World War I and Civil Wars in the Perception of Child Contemporaries]. In Narskii, I. V., Nagornaya, O. S., Nikonova, O. Yu., Khmelevskaya, Yu. Yu. (Eds.). (2007). *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii. Sbornik statei*. Chelyabinsk, Kamennyi pojas, pp. 418–437.

Shcherbinin, P. P. (2006). Modeli povedeniya detei v period Pervoi mirovoi voyny 1914–1918 gg.: opyt i struktura adaptatsii, sotsiokul'turnye deformatsii [Behaviour Models of Children during World War I: The Experience and Structure of Adaptation and Sociocultural Deformations]. In *Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya. Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh statei*. Iss. 4. St Petersburg, Nestor, Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 58–67.

Sinova, I. (2014). “Mal'chiki pod voennoi grozoyu pritikhli...”: patriotizm i devyatsiya detei v gody Pervoi mirovoi [“The Boys Have Become Silent under a Military Thunderstorm...”: Patriotism and Deviation of Children in the Years of World War I]. In *Rodina*. No. 8, pp. 121–123.

Sokolov-Mikitov, I. S. (1954). Gimnazistki [Grammar-school Girls]. In Sokolov-Mikitov, I. S. *Na teploi zemle*. Moscow, Gospolitizdat. 852 p.

Vatnik, N. S. (2014). “Germanskaya voina” i povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya srednikh shkol Rossii v 1914–1917 gg. [“The German War” and Everyday Life of the High School Pupils of Russia in 1914–1917]. In Artizov, A. N., Levykin, A. K., Petrov, Yu. A. (Eds.). *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow, 30 Sept. – 3 Oct. 2014). Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, pp. 260–265.

Voina v risunkakh detei [War in Children's Drawings]. (2015). In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 97–110.

Voronov, V. (1915). Voina v risunkakh detei [War in Children's Drawings]. In *Vestnik vospitaniya*. No. 2, pp. 33–79.

Voronov, V. (1927). Fevral'skaya revolyutsiya v detskikh zapisyakh [The February Revolution in Children's Records]. In *Vestnik prosveshcheniya*. No. 3, pp. 3–11.

Zen'kovskii, V. V. (1915). O vliyaniii voyny na detskuyu psikhiku [About the Influence of War on Children's Mentality]. In *Deti i voina*. Kiev, Kievskoe Frebelevskoe obshchestvo, pp. 38–66.

Zherdeva, Yu. A. (2014). Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya senatora A. N. Krivtsova i ee rol' v formirovanii vizual'noi kul'tury voyny [The Extraordinary Commission of Inquiry of Senator A. N. Krivtsov and Its Role in the Formation of the Visual Culture of War]. In Artizov, A. N., Levykin, A. K., Petrov, Yu. A. (Eds.). *Rossiya v gody Pervoi mirovoi voyny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moscow, 30 September – 3 October 2014). Moscow, Institut Rossiiskoi istorii RAN, pp. 534–541.

The article was submitted on 19.02.2018